

М.А. ЧЕРНЯК (*Санкт-Петербург, Россия*)

УДК 821.161.1

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-000.9

«СЕГОДНЯ В ГАЗЕТЕ – ЗАВТРА В КУПЛЕТЕ»: ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье говорится о том, что современная стадия развития отечественной массовой литературы демонстрирует разнообразные жанровые сдвиги, скрещения и синкретические формы, своеобразные и причудливые взаимоотношения с повседневностью. Литературный процесс «ускоряется», формируются новые жанры и субжанры. В период глобальных культурных изменений, к которым относится переживаемый период трансформации Галактики Гуттенберга в пространство новых информационных технологий и интеллектуальных практик, происходит травматическое изменение индивидуального сознания. На примере романов С. Минаева и А. Берсеновой показывается, как писатель стремится понять и оценить современную ему действительность во всем ее многообразии. Значимой в этом контексте оказывается и читательская рецепция. На примере отзывов на роман А. Берсеновой показывается, как зависимость современного читателя от жанрового ожидания мешает воспринимать любой экспериментальный отход автора массовой литературы от формулы.

Ключевые слова: современная литература, массовая литература, современный роман, жанр, читатель.

Современная стадия развития массовой литературы демонстрирует разнообразные жанровые сдвиги, скрещения и синкретические формы, своеобразные и причудливые взаимоотношения с повседневностью. Литературный процесс «ускоряется», формируются новые жанры и субжанры. Подобная активная динамика возникновения и закрепления новых жанров и форм художественных произведений вызывает самые различные реакции. Принцип получения удовольствия становится смыслообразующим мотивом поведения человека, ставшего потребителем. Предпочтение мира внешних впечатлений миру внутренних переживаний и размышлений требует и от искусства лишь удовольствия, разрядки, компенсации. Однако в последнее время оте-

чественная массовая литература парадоксально демонстрирует максимальное соответствие референциальной реальности.

В период глобальных культурных изменений, к которым относится переживаемый период трансформации Галактики Гуттенберга в пространство новых информационных технологий и интеллектуальных практик, происходит травматическое изменение индивидуального сознания. «Признаки когнитивно-семиотического кризиса, неявно присутствующие в виде системы парадоксальных, неполных (частичных, фрагментированных) когнитивных трансформаций в литературных текстах современности, очерчивают картину современной культуры – *культуры разрыва*» [Сулимов 2011:10]. «Мы, постсоветские современники, оказались, по большому счету истории, не в состоянии поставить под вопрос свое «наследие», ниже свою «современность», – и постольку обречены оставаться, литературно выражаясь, «дураками времени», fools of time, как сказано у Шекспира, а в религиозно-эстетическом плане – “современными мертвецами” по Достоевскому, “бобками”, которые уже не могут “ни умереть, ни возродиться обновленными”» [Махлин 2013:87], – отмечает В. Махлин.

Одной из существенных особенностей актуальной словесности является ее сиюминутность, мгновенная реакция на острые вопросы сегодняшнего дня. Е. Петровская в книге «Безымянные сообщества» справедливо отмечает: «Многие современные романы вбирают в себя скоростные характеристики опыта, чья запись происходит в сфере визуального. Цифровое фото и запись (Я-соцсети) – это, по сути, знаки (формальные признаки) той новой чувственности, которая так или иначе захватывает и видоизменяет всех. Дистанция между «реальностью» и ее отображением уже совсем ничтожна – момент проживается постольку, поскольку переводим в дубликат. Способность быть мгновенно повторенным гарантирует “истинность” пережитого. Правда неотделима от своей же трансляции, а в конечном счете от вымысла» [Петровская 2012: 290]. Вышедшая в 2015 году книга Минаева «Dухless 21 века. Селфи» рождает любопытный оптический эффект. Вынесенное в заглавие слово, недавно ставшее «словом года», очень точно иллюстрирует метод создания текста. Это селфи на фоне эпохи, порождающее любопытные смыслы: это своеобразный приговор массовой литературе, порожденный этой литературой. Главный герой романа, утомленный народной любовью писатель Владимир Богданов – эстет и сноб, с дурными наклонностями и такими же приятелями – всеми фактами лаконично изложенной биографии похож на самого Минаева (тоже прием своеобразного селфи).

В книге «Медиумы безвременья. Литература в эпоху постмодерна, или трансавангард» Е. Ермолин размышляет о том, что «недетерминированное время вызвало к жизни недетерминированную, незаземленную, летучую литературу, немедленно отлетевшую куда-то прочь. Генеральный признак новой словесности – влечение к уникально-персональному, причем к по максимуму животрепещущему, сиюминутному. Кто не успел, тот опоздал; нет гарантии, что опоздавший вообще хоть как-то и кому-то пригодится и хоть чему-то соответствует в мире. Писатель становится заложником актуального, часто вынужден спешить, журналистничать» [Ермолин 2015: 75]. Персональный компьютер и интернет создали новую медийную и общекультурную среду, определили ту магистраль трансавангарда, в которой с неизбежностью меняются характер и способ высказывания. По мнению Ермолина, традиционные средства и формы «отходят на периферию или, по крайней мере, все менее востребованы. В новых медийных средствах моментальное обычно доминирует, а стабильно-глобальные смыслы растворяются в завязанном на злобу момента коктейле единственного *настоящего*» [Ермолин 2015: 76]. Эти слова новый роман Минаева иллюстрирует с невероятной точностью. Причем эту сиюминутность осознает сам Богданов, альтер-эго Минаева: «Если раньше автор выдавал многостраничные колонки в ЖЖ, то теперь он вынужден втискивать свою мысль в прокрустово ложе ста сорока знаков твиттера <...> каждый новый “лайк” для тебя – не доказательство солидарности читателей с твоей позицией, а барометр интереса. Символ твоего существования, в котором страсть измеряется численностью, а свобода – заборам» [Минаев 2015: 77]. Живя в мире подделок и симулякров, лишенный привычной жизни собственным двойником, Богданов/Минаев ощущает себя неким «промежутком», человеком-песчинкой, застрявшем в горлышке песочных часов, если вспомнить замечательную метафору из антиутопии В. Маканина «Лаз»: «Там Россия айфона, а здесь Россия шансона. И между ними я, открывший глаза в пятизвездочном отеле, а окончательно проснувшийся в «обезьяннике». Кажется, они через меня пытаются друг с другом связаться, эти две страны» » [Минаев 2015: 112].

М. Кундера в своей работе «Искусство романа» размышляет о том, что современный роман изъеден термитами упрощения, которые упрощают не только смысл этого мира, но и смысл самих произведений. При этом роман все больше подпадает под власть средств массовой информации. Кундера приходит к очень важному в контексте нашего разговора выводу о духе современного романа: «Дух романа – это дух преемственности: каждое произведение есть ответ на преды-

дущие произведения, каждое произведение заключает в себе весь предыдущий опыт романа. Но дух нашего времени сфокусирован на актуальности, которая столь расширена и пространна, что выталкивает прошлое с нашего горизонта и упрощает время, сводя его только к нынешнему мгновению. Включенный в эту систему роман отныне является не произведением (тем, чему предназначено длиться, соединять прошлое с будущим), а актуальным событием, подобным всем прочим событиям, неким жестом без продолжения» [Кундера 2013: 34]. Это стремление к актуальности приводит к неизбежной публицистичности. Так, роман Минаева полон подобных размышлений Богданова: «А вокруг всего этого огромная, архаичная Россия. Смотрит мутными, красными спросонья глазами на очередное поколение “лучших людей”, потом встает, обувается-одевается и идет на завод. Россия, которую сначала разорвали на куски несколько пьяных мужиков в Беловежской пуще, которой потом сказали, что все ее беды оттого, что она слишком “патерналистская” и “безынициативная”, и она понесла остатки своих сбережений для выгодного вложения в МММ. Россия, которой в очереди у храма, где Пояс Богородицы, между прочим сообщили, что она встала с колен. И вот стоит она, вся такая невыспавшаяся, между храмом и станцией метро и обсуждает проблемы ЖКХ» [Минаев 2015: 66].

Анна Берсенева (Татьяна Сотникова) – автор не только более 30 романов и целого ряда сериальных сценариев («Вангелия», «Орлова и Александров», «Куприн» и др.), но и автор удачного романа с читательской публикой. Топ-автор издательства «Эксмо», тиражи которого давно перевалили за 3000000 экз., Берсенева в этом году стала автором в каком-то смысле «опального» романа «Вокзал Виктория», второго романа серии «Русский характер» (впервые была отменена рекламная кампания книги, не было встреч с писателями и автограф-сессий, книга не была, например, представлена в крупнейших книготорговых сетях Санкт-Петербурга, хотя в интернет-магазинах доступна, в новостях на официальном сайте писательнице, поддерживаемом «Эксмо», зияющая пустота с 16.10.2014 по 03.03.2015).

Свойственное массовой литературе магическое «заговаривание» реальности, превращающееся в утомительное ее «забалтывание», не дающее ни приращения, ни преобразования уже имеющихся смыслов, в этом романе Берсеновой заменяется адекватным описанием изменяющейся действительности. Книга рассказывает об одной из героинь «Женщин да Винчи» – Полине и ее потомках, внучке Виктории. Виктория – узнаваемый тип героинь Анны Берсеновой: девушка со сложной судьбой и семейной тайной (воспитывалась в детском доме), стра-

стный читатель, живущий литературными ассоциациями (отсюда обучение на филфаке Пермского университета), несчастная юношеская любовь, от которой осталось главное в ее жизни – сын Витька, которого она, отказывая себе во всем, отправляет учиться в Англию. Любимый Берсеновой прием сопоставления прошлого и настоящего, переключек людских судеб здесь реализован довольно однозначно: наше время – март 2014 года, прошлое, в котором разворачивается история бабушки Виктории – Полины – это время перед Второй мировой войной. Полина, связанная со спецслужбами, оказывается сначала в предвоенной гитлеровской Германии, а потом послевоенной Москве.

В своем классическом эссе «Опредмечивание и утопия в массовой культуре» американский теоретик Ф. Джеймисон выдвигает важнейший тезис о том, что высокая и массовая культура конституируют друг друга. Этим снимается жесткая оппозиция той и другой, дающая повод для диаметрально противоположных и нередко вкусовых оценок. Сегодня высокая и массовая культуры образуют единое поле, топологическим обозначением которого выступают не столько два полюса, сколько палимпсест – запись одного поверх другого, когда оба текста выступают друг с другом в непреднамеренные отношения. Массовая культура – это не объект чистого манипулирования, но область активной переработки фундаментальных социальных и политических тревог, фантазий и переживаний. Для Джеймисона особенность произведений массовой культуры состоит в том, что ее содержательный материал – «социальные тревоги и заботы, надежды и мертвые зоны, идеологические антиномии и образы катастроф» – подавляется посредством воображаемого разрешения реально существующих противоречий, что достигается в первую очередь благодаря выстраиванию самого повествования [см. об этом: Петровская 2012: 230].

Вспомним хрестоматийное определение формулы, данное Дж.Кавелти: «Формулы в моей трактовке – это средство обобщения свойств больших групп произведений путем выделения определенных комбинаций культурного материала и архетипических моделей повествования. Это понятие полезно, прежде всего, потому, что способствует выявлению закономерностей в развитии коллективных фантазий, свойственных большим группам людей, и распознаванию особенностей этих фантазий в разных культурах и в разные периоды времени». Дальше ученый подчеркивал, что «определенные сюжетные архетипы в большей степени удовлетворяют потребности человека в развлечении и уходе от действительности. Но, чтобы образцы заработали, они должны быть воплощены в персонажах, среде действия и ситуациях, которые имеют соответствующее значение для культуры, в недрах ко-

торой созданы. Не будет иметь успеха приключенческий сюжет, социальный типаж которого не может быть представлен в героическом свете в контексте данной культуры; вот почему так малочисленны приключенческие истории о водопроводчиках, консьержах и дворниках» [Кавелти 1996: 34]. Если вернуться к роману А. Берсеневой, то актуальный политический контекст романа, больше всего проявленный в современной линии, нарушает привычную формулу мелодрамы, к которой традиционно относят Берсеневу. Очевидны следующие нарушения формулы, сделанные автором намеренно:

- Нарушение компенсаторной функции массовой литературы – роман ставит острые и болезненные вопросы.

- Нивелирование авторской позиции здесь заменяется не только четко проявленным идиостилем, но и, зачастую, публицистичностью.

- Идеальная картина мира с четкой маркировкой героев по принципу «хороший-плохой», «добрый-злой» заменена идеологической маркировкой по отношению к современной политической ситуации.

- Любовная история подвергается испытанию тоже отношением к современности и политике. Ср.: «Она смотрела на Влада, на его сверкающие глаза, на то, как алым заливаются его щеки и бледнеет лоб, и понимала, что не хочет говорить ему ничего. Ни-че-го! Убеждать, приводить какие-то доводы... Какие доводы убедят человека, что Земля круглая, если он ясно видит, что она плоская? И под его окном плоская, и к дружбану за сто километров ездил – везде плоская, он своими глазами видел, нигде не закругляется. Что ему скажешь, про Галилея и Магеллана? Он тебе ответит: кто они такие, чтобы я им верил? И будет прав, для него они в самом деле никто, он про них и не слышал никогда» [Берсенева 2015: 115].

- Поэтика повседневности, важная составляющая мелодрамы, в романе уточняется отражением современных дискуссий, например, в образовательной среде.

Очевидно, что текст, вырвавшийся из контекста предшествующей художественной практики, оказался в новом пространстве репрезентаций. Берсенева, имеющая постоянную и многолетнюю читательскую аудиторию, в какой-то степени разрушила эффект читательского ожидания, что отчетливо видно, например, по отзывам на сайте Литрес. Ср.: «Прочитала. Очень люблю Берсеневу. Душа встает на место, и видишь себя как-будто со стороны. Но...неоднозначные ощущения от данного произведения. *Обзацы* (орфография сохранена – М.Ч.), связанные с политикой, – не для меня. Книга хорошая, а осадок остался»;

«Я тоже отношу себя к поклонницам творчества Анны Берсеневой. Но «Вокзал Виктория» меня, мягко сказано, удивила... Каждый имеет право на своё мнение, но думаю, что данный жанр – роман, не для выплеска личных мнений автора по вопросам политической ситуации в стране и мире. Есть политические шоу на телевидении – вот там самое место автору продемонстрировать свою гражданскую позицию, подискутировать ...*а в женском романе...как-то это нечестно*» (выделено мной – М.Ч.); «Книга не понравилась. Обидела. Оскорбила. Жаль потраченного времени. Вы для кого пишете? До этой книги считала Вас достойным автором. Больше не прочту ни одной Вашей книги. Я люблю и горжусь своей страной»; «Эта книга внезапно оказалась для меня очень личной. После нее нельзя не задуматься о мире, который тебя окружает, и о своем месте в этом мире, и о своих детях, которым потом в этом мире жить. И нельзя просто так закрыть глаза и отмахнуться от всего рукой. Но есть, есть надежда и вера в лучшее, и в последних строках книги она тоже сквозит. Да и вообще книга вышла интересная: каждая новая глава заставляет взглянуть на всю историю по-иному. В целом, я считаю, что эта новая книга Берсеневой понастоящему удалась, и я рада, что прочла ее».

Эти отзывы еще раз убеждают в том, что произведения массовой литературой никогда не станут «текстами влияния», вступающими в резонанс с читателем и порождающими новые метатексты. Особенностью массового читателя становится то, что он не только отвыкает от отвлеченных умственных усилий, но и часто предпочитает иллюзии – действительности, правда ему фактически безразлична, особенно если она ему неудобна и разрушает состояние спокойного полусна, в котором он пребывает. Такое состояние представитель американской трансперсональной психологии Ч. Тарт называет еще согласованным (координированным) трансом, считая это разновидностью измененного состояния.

Сама Анна Берсенева, отвечая, на вопрос автора статьи, отметила: «Роман “Вокзал Виктория” занимает особое место в моем творчестве в том смысле, что он дался мне самым тяжелым образом из всех моих книг. Никогда я не писала так, чтобы “утром в газете – вечером в куплете”, но дело даже не в этом. Но не из моего сугубого интереса к политике (я никогда не стремилась ею заниматься), а по простой прагматической причине: ну попробуйте написать роман в четыреста страниц о людях, которых не интересует ничего, кроме еды! Сдуетесь на десятой странице – психологической фактуры не будет».

М. Эпштейн в одной из своих последних книг вводит понятие «Поли-политика (poly-politics) – это множественная, «другая» полити-

ка, которая противопоставляет государственной политике то, что традиционно считается не-политикой: воздействие музыки, слова, разума, вдохновения, чисел, научных открытий, технических изобретений на жизнь людей. Создание новой мелодии, или нового слова, или нового материала – явление поли-политики, поскольку люди чувствуют над собой власть иных законов, чем те, которые навязываются им политиками, – законов красоты, гармонии, разума, мудрости» [Эпштейн 2015: 25]. Хочется верить, что именно поли-политика в этом контексте будет входить в поле современной массовой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

- Берсенева А.* Вокзал Виктория. М: Эксмо, 2015.
- Ермолин Е.* Медиумы безвременья. Литература в эпоху постмодерна, или трансавангард. – М.: Время. 2015.
- Кавелти Дж.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22, С. 33-64.
- Кундера М.* Искусство романа. – СПб.: Азбука, 2013.
- Махлин В.* «Современность» в круге понимания. К семантике «нового» в Новое время // Вопросы литературы. 2013. № 2. С. 77-82.
- Минаев С.* ДухLess 21 века. Селфи. М.: АСТ, 2015.
- Петровская Е.* Безымянные сообщества. М.: Фаланстер, 2012.
- Сулимов В.А.* Литературный текст в интеллектуальном пространстве современной культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. СПб., 2011.
- Эпштейн М.* От Совка к бобку. Политика на грани гротеска. Franc-Tireur, USA. 2015. 253 p.